

Никита Высоцкий:

Во сне я о чем-то спрашиваю отца, но он в ответ лишь улыбается...

...Ему тридцатник с небольшим, и он уже давным-давно научился сдерживать себя, когда при первом знакомстве собеседник старается сразу же радостно сообщить, похож или не похож Никита на папу. Собственно, самим фактом своего рождения он попал в эту западню, и тут уж ничего не поделаешь...

— Меня всегда страшно раздражало, когда при встрече незнакомые люди просили: а вот спой что-нибудь! Или сыграй... Я даже на гитаре в том возрасте, когда практически все пацаны по-маленьку брэнчат, учиться не стал. Потому что был период: как зайду куда-нибудь, первым делом сую гитару — как же, сын Высоцкого обязан играть на гитаре...

— С каких пор ты помнишь отца?

— Какие-то отдельные картинки начали запоминаться в достаточно раннем возрасте, еще до того, как родители разошлись — мне было тогда четыре года. Милые интимные детские воспоминания, ничем, как мне кажется, не отличающиеся от воспоминаний других людей. Я их держу для себя, а вытаскивать на свет божий — зачем?

Как-то мы вдвоем с братом Аркадием — он старше меня на два года — начали вспоминать какой-то день рождения. Отец привез домой торт, на котором стоял шоколадный заяц. Аркадий сразу откусил ему ухо, а там внутри неожиданно оказался коньяк... Мы с братом хохотали, припоминая все это, грустили, но эти воспоминания — НАШИ, не публичные. И вдруг кто-то садится и пишет, что у него с похмелья болела голова, а в это время пришел Володя Высоцкий и сказал: «Старик...» и проч. и проч. Может, для этого человека такие воспоминания и важны, но остальным-то это зачем?

— Чем ты занимался сразу после школы?

— На заводе работал, на конвейере. Собирал пылесосы.

— Увидел в этом свое призвание?

— Просто в школу-студию МХАТ с первого раза не поступил. У меня были проблемы с речью — я сильно картавил. На вступительных экзаменах читал Блока — «За городом вырос пустынный квартал...» И когда я громко продекламировал: «За гогодом выгос пустынный квар-

Детям
знаменитостей

нелегко: их

постоянно
сравнивают с

родителями.

«Но я никогда и

не пытался

переплюнуть

отца», —

утверждает сын

Владимира

Высоцкого.

тал», в комиссии все в ужасе схватились за голову. Нашлась в студии добрая женщина, которая сказала: «Заочет — за неделю дикцию исправит...» Она взялась за меня как следует, и не за неделю, конечно, но этот недостаток я ликвидировал. Весь завод, кстати, тогда надо мной потешался. Я постоянно рычал про себя. И со всего конвейера ко мне приходили здороваться: «Здр-р-равствуйте!»

На следующий год я без особых проблем прошел все испытания. У меня и так была мечта стать артистом, а отцовская смерть буквально впахнула меня в эту колею... От меня окружающие ждали только такого шага и не поняли бы, поступи я иначе. Так что, несомненно, в этом была какая-то запрограммированность. Да что там говорить!.. Думаю, будь я хромым, кривым, слабоумным — меня все равно бы взяли. Потому что на дворе был 82-й год, еще свежа память об отце, у многих был комплекс вины перед ним, и не взять в студию, которую он окончил двадцать лет назад, сына просто не могли. Но это так на меня подействовало — я просто не имел права учиться плохо. И я пахал как лошадь — всего одна четверка за все годы учебы и, как следствие, — красный диплом.

— Так ты, брат, «ботаник»?

И как к этому относились твои одноклассники?

— А я не только в учебе — во всем был упрямый. В том числе и по части выпивки: это считалось хорошим тоном. На почве этого даже произошел один неприятный случай. В театре есть выходы, которые можно простить, но есть и вещи совершенно недопустимые. Вот так, будучи на первом курсе, я пришел на дипломный спектакль сильно подшофе. Зашел за кулисы, в гримерную. Мне сделали замечание, я ответил грубостью. Это пошло. Это хуже, чем месяц по запою на работу не ходить.

— Сейчас-то у тебя с этим проблемы есть?

— Нет. И никогда не было. Юношеские выходы не в счет.

— Ты, наверное, был элитным мальчиком?

— Вот уж нет. У меня был короткий период общения с «золотой молодежью» в 9—10-х классах, но потом меня выбросило оттуда со страшной силой.

— С кем водился?

— Не скажу. С детьми людей, очень известных в стране. Но это продолжалось недолго. Я им был неинтересен. Там считалось хорошим тоном отменное знание английского, западной музыки...

— А ты был простецким парнем?..

— Не думаю, что они намного сложнее меня. Просто ребята учились в спецшколах, готовились к поступлению в МГИМО. А мне, если откровенно, даже пойти в эту компанию было не в чем...

— Кстати, отец твоими школьными делами интересовался?

— Бывало... Хотя он предпочитал, чтобы я сам со своими проблемами справлялся.

...У нас профилирующим предметом было автодело. И меня, помню, преподаватель явно невзлюбил. Он мог мне 2—3 двойки за урок поставить: «Никита, что такое жеклер?.. Не знаешь?.. Двочка». Садист такой мягкоголосый. Когда двоек перевалило за десяток, вызвал отца в школу. Явно хотел познакомиться. Я пошел к отцу, объяснил ситуацию. Он говорит — разбейся сам. Так вот.

А однажды мы с Аркадием наладили бизнес в классе. Рядом стройка была, и там у солдат на бутерброды можно было выменять строительные патроны. Мы наладили туда тайную тропу и патроны продавали в школе. Нас накрыли, разразился жуткий скандал. И отец, помню, первый раз поговорил со мной и Аркадием очень жестко: «Дураки, что же вы позорите мать и меня?»

...После школы-студии МХАТ была армия. Я служил около года на Западной Украине мотострелком и полгода — в Москве, в Театре Советской Армии. Я вообще-то не люблю блатом пользоваться, но тут очень попросил, чтобы в Москву перевели — сын родился.

— Сколько у тебя их?

— Двое пацанов. Правда, от двух жен.

— А квартира, машина?

— Машины нет, квартира однокомнатная в Новогирееве, да и ту снимаю. Зато собака породистая есть — лабрадор, всем рекомендую.

...После армии работал в «Современнике». Потом был «Московский маленький театр», потом он распался. Сейчас меня зовут то в один, то в другой театр, но, если честно, я опасаясь.

...Вообще-то мне часто везет. Год назад, когда было достаточно хреново — идеей масса, да вот с реализацией никак, — позвонил старый друг, Миша Узбеков, и предложил деньги на фильм, не поставив никаких предварительных условий: «Делай, что хочешь...»

— Так еще бывает?

— Представь себе. Миша не киношник, он предприниматель из Таджикистана, просто сейчас живет в России. Хотя песни отца очень любит, но он — человек из тех, кто знакомится с тобой за просто так, а не за то, что ты — сын Высоцкого. Я такое качество очень ценю, потому что это встречается так нечасто... И вот с его легкой руки в мае этого года мы приступили к съемкам фильма в окрестностях Душанбе.

— О чем фильм?

— Сюжет рассказать очень сложно. Основная идея — столкновение культур Севера и Юга. Я в этом фильме играю главную роль и одновременно являюсь исполнительным продюсером. Надеюсь, к Новому году мы получим приличную копию, которую можно будет показывать.

— Когда ты играл в театре, не боялся, что зритель в тебе разочаруется? Выходишь на сцену ты, а зритель подсознательно ждет отца...

— Когда я начал выходить на профессиональную сцену, обычно первые пять минут слышал шепот «похож — не похож». И это на любой площадке, где бы ни играл. Костя Райкин как-то сказал, что «на сцене на тебя первые пять минут смотрят как на сына Райкина, а уж все остальное зависит только от твоих способностей». У меня был интересный момент — я поступал в школу-студию МХАТ, и меня увидел Ефремов на последнем просмотре. И вот, как мне передали, он сказал: «Хороший парень, но если будет продолжать работать под отца, тыгонию...» А я действительно тогда немного подвывал «под Высоцкого».

— В связи с этим вопросом ты относишься к артистам — а их и сейчас достаточно, — которые сознательно стараются копировать твоего отца?

— По-разному. Когда-то я слышал пародию на отца в исполнении Михаила Евдокимова. Это было великолепно исполнено. Но это действительно подавалось как отстраненное подражание голосу Владимира Высоцкого. Однако когда выходит на сцену артист Никита Джигурда и заявляет, что он всю жизнь пел и говорил таким голосом... Я ведь знаю, что это не так.

Неловно я был в одном второзрядном цирке. Клоуны на сцене пытались повторять старые репризы Никулина и Шуйдина. До того это было непрофессионально! И дети — самые чуткие люди — не смеялись... И когда со сцены доносились дикие тексты типа «Я люблю тебя, Маша, приходи ко мне», и все это голосом отца, а зади, на фоне неоновых букв «Никита Джигурда», девочки в коротких юбках приплясывают... Клоун, причем очень плохой. Я знаю, что он искренне любит Высоцкого, но то, что он делает на сцене, — пошлятина.

— У вас есть какой-то процесс в отношениях с Мариной Влади?

— Конечно, нет. Год назад я ездил на фестиваль некоммерческой эстрады в Сан-Ремо. В этот раз он был посвящен Высоцкому. Была и Марина. Я встретился с ней в коридоре, поздоровался, и все. Надо сказать, что в то время, когда в Союзе вышла ее книга, мы просто не привыкли к литературе такого рода. Сегодня для меня было бы все равно, хоть напиши она, что я гомик, а мой брат — уголовник с тридцатилетним стажем. Но в то время, когда печатное слово воспринималось, как абсолютная истина, сразу же пошли наезды на поэтичных и близких людей. Представьте, деду пишут: «Ты, старая сволочь, загубил сына...»

Я думаю, она и сама в конечном счете поняла, что там масса ляпов, многое взято с чужих несправедливых слов.

— Какая из песен отца у тебя самая любимая?

— Трудно сказать. В детстве мы с Аркадием очень любили песню про жирафа. Даже не столько за смысл, сколько за то, что скакать с нашими плюшевыми игрушками под мелодию было весело. Самое сильное впечатление от песен отца я испытал, когда пришел однажды к нему в квартиру на Матвеевской. Мы собирались куда-то итти, но он захотел показать мне какую-то новую песню, потом спел вторую, потом еще... Часа два он пел. Так мы в итоге никуда и не пошли.

...У меня есть один навязчивый сон: я вижу отца и в бешеном темпе начинаю у него что-то спрашивать. Он улыбается и ничего не отвечает...

— У меня есть один навязчивый сон: я вижу отца и в бешеном темпе начинаю у него что-то спрашивать. Он улыбается и ничего не отвечает...

— У меня есть один навязчивый сон: я вижу отца и в бешеном темпе начинаю у него что-то спрашивать. Он улыбается и ничего не отвечает...

— У меня есть один навязчивый сон: я вижу отца и в бешеном темпе начинаю у него что-то спрашивать. Он улыбается и ничего не отвечает...

— У меня есть один навязчивый сон: я вижу отца и в бешеном темпе начинаю у него что-то спрашивать. Он улыбается и ничего не отвечает...

— У меня есть один навязчивый сон: я вижу отца и в бешеном темпе начинаю у него что-то спрашивать. Он улыбается и ничего не отвечает...

— У меня есть один навязчивый сон: я вижу отца и в бешеном темпе начинаю у него что-то спрашивать. Он улыбается и ничего не отвечает...

Беседовал
Андрей ПАСЛОВ.

Фото Анатолия
ЖДАНОВА.